
На ощупь стынет, как вода,
И лист осенний затмевает.
Дырявит сети возле дна
Такая мёртвая, босая.

И вновь, взлетая стаей птиц,
Она уже невольно дышит.
И, видя тьму её глазниц,
Ей падать выше.

Ни ложь, ни ветер, ни обман
Её уже не укрывает.
И, примеряя нежность ран,
Себя спасает.

Может, колея,
Может, миражи.
Дерево живёт
У земной межи.

Может, фиолет,
Может, изумруд.
Их не раз сотрут,
Передав свой труд.

Лицемерь, отец.
Ты не только жнец.
Не преодолей
Лежбище царей.

Может, света нет.
Крадучись от нег,
Ты переживёшь
Постоянный дождь.

Ты к смерти не привык, чего же ты злословишь.
И ночь всегда права, и день всегда жесток.
Своими же руками ты новое хоронишь,
И хлеб твой зачерствел, приобретённый впрок.

Тебе уже не снятся ни гроздья винограда,
Ни раскалённый зной пустынных площадей.
Тебя укроет снег в далёком круге ада,
Ты навсегда забудешь тот список кораблей.

И вечностью начертан твой путь на мягкой глине,
Рождённый горевать, возрадуешься вдруг.
Усталая Ассоль на радужной картине
Твой парус разглядит, стремящийся на юг.

Жадно старик
Листал свой дневник
Озябшей рукой
Как будто не той
Которой он мог
Писать эпилог
Правдивой игры
И будут нежны
Объятья времён
Безоблачным днём
Оставшись при нём
И вместо имён
И может правы
Владельцы игры
Для них решены
Предсмертные сны.

Я есть ребёнок неразлучный
С протянутою вверх рукой.
Какой пейзаж немногозвучный,
А может быть, и я такой.

И керосинка догорает,
Слова крестьянка говорит,
А может быть, она большая
Душа, что перед ней стоит.

И горе будто бы над нами,
И долгие дожди в стекло.
А после дом мой обветшалый
Промозглым снегом занесло.

Ты где-то там, где дремлют маяки,
И есть одно лишь правило безмолвья:
Багровый вечер, на воде круги,
И старый клён растёт у изголовья.

И небеса похожи на броню,
И непредвзяты ночи очертанья.
Ты вновь стоишь у бездны на краю,
Предчувствуя своё непониманье.

Опять бредут стада на водопой –
Ты узнаешь их жажду по молчанью.
В окошке свет. И ты уже иной,
И новой жизни теплится дыханье.

Навечно капает вода.
Глаз не вмещает даль.
Ты пробираешься сюда,
На дремлющий вокзал.

Щебечут в небо снегири,
Запоминая снег.
Опустошённость февраля
Не спрашивает, нет,

Какой дорогой ты пришёл,
И сколько долгих лет
Ты всё стоишь во тьме глухой.
А поезда всё нет.

Промозглые сны навевает тебе колея,
И краски сгущает художник, рисуя тебя.
Как будто бы ночь на глаза наложила печать.
И ты собираешь в себя всё, что можно собрать.

Незримый покров, не понять мне твоей красоты.
Ярмо не спасёт от паденья великой листвы.
И Суздаль молчит, под присмотром осенних церквей
Прозрачный октябрь, тебе есть, что скрывать от людей.

Семирамида детства, деревянная изба,
Какие-то невнятные метели.
И ветер, нагнетающий порывы января,
И скрип далёких призрачных качелей.

Что было смыслом, то теперь обращено
В неясное созвучие былого.
И в воду погрузалось деревянное весло,
И мы все умолкали понемногу.

И сонм слепых исканий приводил
На отмель, где мы все немного квиты,
Но Бог нас терпеливо всех любил
До самой нашей сущности сокрытой.